

Антон Борисович, здравствуйте. Я хочу написать книжку про вас. Как нам можно встретиться для предварительных набросков. Прошу не игнорировать, гонорар я уже потратила на поездку в Индию, так что напишу в любом случае, но как честный писатель хочу чтобы материал полностью соответствовал правде. Заранее спасибо. Ирина А.

Мой телефон и адрес почты можно найти через Гугл. Если Вы не умеете пользоваться Гуглом, то советуем научиться. Может быть, окажется, что можно написать материал, полностью соответствующий правде, без моего участия.

Ответ Носика на онлайн-конференции
по случаю запуска «BFM.ru», 18.11.2008

— *А ты не думаешь, что сын когда-нибудь прочитает твои скандалы в Интернете и скажет: «Боже, какую чушь мой папа писал!» Или обидится, что ты его фотографии выкладываешь постоянно...*

— Честно говоря, я не очень себе представляю, как будет обстоять дело с архивацией Интернета через 10 лет. Поисковики постоянно перекраивают алгоритмы выдачи, отодвигая от пользователя старый контент и подсовывая сегодняшний. Поэтому я думаю, что для нахождения текстов про меня из девяностых или нулевых Лёве придется очень постараться.

Ответ Носика Алексею Андрееву
в интервью для портала «Letidor», 21.05.2013

Как странно выглядит жизнь, когда она вдруг закончилась, но в любой момент отчасти продолжается в телефоне. <...> смерть упрямо присоединяет к прошлому наше настоящее, хотя, казалось бы, это так очевидно: у кого есть соцсети, кто каждую минуту фотографирует и листает ленту — те вечные, тех уж чур не трогать.

Дмитрий Ольшанский,
запись в фейсбуке от 17.10.2019

ПРОЛОГ

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Лунный еврейский календарь не совпадает с европейским. И первая годовщина смерти Антона Носика – 16 таммуза – пришлась в 2018 году на 29 июня. Я стою на Востряковском кладбище и слушаю, как молодой раввин объясняет, что сегодня *йорцайт* – день, когда последний раз читается *каддиш*. Отныне четыре раза в год должен читаться только *изкор*. После чего начинает декламировать псалмы Давида, а затем и саму похоронную молитву.

Его торчащая вперёд рыжая борода сверкает на ярком солнце, чётко выделяясь под ортодоксальной чёрной шляпой на фоне свежей зелёной листвы. Я не знаю иврита и не понимаю ничего, кроме отдельных слов, – «Адонай», «Амнон бен Барух» и «оймен» (это последнее слово по просьбе раввина повторяют все мужчины, я в том числе), но понимаю, что говорит он на иврите, хоть и, как положено, нараспев, раскачиваясь, но с заметным русским выговором. Интересно, что по-русски он говорит тоже с сильным характерным акцентом. Странная всё-таки штука эта диффузия языков. Антон бы объяснил.

В узком проходе между могилами стеснились люди, мужчины и женщины, молодые и средних лет. Я точно знаю, что взрослых мужчин не меньше десяти, – *миньян*, без которого невозможно читать молитву. Собственно, я здесь для того, чтобы помочь обеспечить этот самый миньян, потому что иначе, конечно, не стал бы приходить сюда сейчас, ко-

гда собираются самые близкие. Они стоят вдоль ограды — когда-тошние друзья Антона по молодым проказам, потом партнёры и контрагенты по головокружительным бизнесам, а теперь остепенившиеся и состоявшиеся мужчины. Пожалуй, только Демьян Кудрявцев, хотя тоже совсем уже не похож на того кудрявого юношу, которым был когда-то на иерусалимских улицах начала девяностых, по-прежнему резко выделяется на фоне благообразных седовласых друзей юности очевидной незаурядностью. Но я стараюсь не смотреть на него, не отводящего глаз от большой фотографии над могилой. Это понятно. Они были ближайшими друзьями на протяжении тридцати лет. Именно Демьян собрал для траурной церемонии в ЦДЛ поразивший меня трек-лист из любимых песен Антона, в котором гребенщикова «Моя смерть едет в чёрной машине...» и аукционёрская «Дорога» чередовались с коэновской «Аллилуйей».

Траурная церемония длится около получаса. По её окончании все по очереди кладут на каменную плиту по камешку — еврейский ритуал, вместо цветов — и гуськом уходят. У меня нет камешка, я не знал раньше об этом обычае. Поэтому я просто жду, пока все разойдутся, тоже делаю несколько фотографий могилы и иду в соседний квадрат кладбища — на участок, где лежат мои бабушка и дядя.

А потом возвращаюсь домой — писать эту книгу.

Потому что обещал это самому Антону.

Это звучит подозрительно, но здесь нет никакой мистики в духе пушкинской графини-бабушки. Это лишь вопрос честности и хорошей памяти.

4 июля 2001 года я, в то время сотрудник «Lenta.Ru», хотел поздравить Носика по аське с днём рождения, и завис над клавиатурой, раздумывая, как бы сделать это пооригинальнее, чтобы моё скромное поздравление не затерялось в общем хоре. Наконец меня осенило. «Антон! — наступал я. — Я моложе тебя на четыре года. Когда-нибудь я напишу твою биографию».

Как мог отреагировать 35-летний парень, которого в то время просто распирало от энергии, идей, планов, на подобное «поздравление»? «Ну, — ответил он мне, — если это кому-то будет интересно, — пиши».

Я не могу воспроизвести наш диалог буквально, потому что аська, в отличие от современных мессенджеров, не хранит историю на едином сервере. Но я клянусь, что этот диалог действительно был, — и потом ещё я несколько раз Антону в шутку о нём напоминал. Поэтому 9 июля 2017 года, когда пришло шокирующее известие, первая моя мысль была та же, что и у всех: как же так, это невозможно и т.д. Но сразу стукнулась и вторая: вот этот момент и настал. Обещал — пиши.

И я написал.

В ходе работы книга разрослась до такой степени, что при подготовке к печати ее пришлось сильно сокращать. Потому что биография одного конкретного человека — противоречивого, невероятно яркого и много успешного — вобрала и рельефно отразила изгибы и перепады того непростого времени, в которое ему довелось жить (и во многом — определить). Эпоха, когда Интернет был будоражающим феноменом, а не данностью, как телефон или автомобиль, стремительно удаляется в прошлое — и требует быть описанной.

Май 2021

P.S.

Последние полтора года изменили нашу жизнь едва ли не больше, чем предшествующие полтора десятилетия. Я не стал ничего менять — иначе менять пришлось бы слишком многое. Но не могу не упомянуть, что за это время усилиями Виктории Мочаловой и Елены Калло вышла блестяще подготовленная книга «Лытдыбр. Дневники, диалоги, проза», в которой собрана прямая речь моего героя.

Октябрь 2022

А.Б.НОСИК И (АНТИ)СОВЕТСКИЙ АНДЕГРАУНД

1966–1987

Ничто не появляется — ниоткуда. И без краткого рассказа о родителях Антона Носика и среде, его сформировавшей, мы просто не поймём, «откуда что взялось».

Борис Носик (1931–2015) — писатель, драматург, переводчик, а главное — неутомимый странник, один из самых необычных русских *homme de plume*¹ своего поколения. Библиография, собранная на сайте borisnossik.net², включает в себя почти 50 оригинальных книг, три детские книги и пять больших переводческих работ, в том числе создавшие ему высочайшую репутацию в среде советской художественной элиты «Пнина» Набокова и «Незабвенную» Ивлиева. Большая часть его книг советского времени — биографический нон-фикшн и травелоги: «Путешествие за дымковской игрушкой» (1966), «По Руси Ярославской» (1968) и т.д. А с 1982 года, «женившись во Францию», Борис Носик начинает на разные лады разрабатывать тему «Русские тайны Парижа». Его последняя — и первая посмертная — книга носит характерное название: «Был целый мир — и нет его... Русская летопись Лазурного Берега»³.

Редакционная аннотация к одной из поздних прижизненных книг Бориса Михайловича сообщает о нём следующее:

¹ Писатель; дословно — «человек пера» (*фр.*).

² Создан Антоном в 2010 году.

³ М.: Текст, 2016. Предисловие Антона Носика.

Первые полвека своей жизни писатель Борис Носик был москвичом, но в Москве бывал нечасто: без конца путешествовал по русскому Северу, по Кавказу и Валдаю или сидел в далёких таджикских кишлаках за перевалами. <...> стал парижанином, но и в Париже появляется изредка: сидит на крошечном хуторе в Шампани или на северной окраине Ниццы, где пишет книги о первой русской эмиграции.

Что значило это «в Москве бывал нечасто», Борис Носик объяснил сам в повести «Тайна Маклая», имеющей, кстати сказать, посвящение «Сыночку моему гениальному»:

Добрых три года слонялся я по Валдаю. Считалось, что я пишу книгу о Валдае, даже две книги. В общем, так оно и было. Но не это главное. Главным был неуёмный зуд странствия. Я ведь и до Валдая слонялся по России без удержу (на Запад меня не пускали почти до пятидесяти).

Родные думали, что я женюсь и остепенюсь. Так оно и было после женитьбы. Целый месяц. Потом я уехал на Верхнюю Волгу...

Откуда взялся этот неуёмный зуд? Эта очарованность — даже зачарованность, по Лескову, — музой дальних странствий? Ответ на этот вопрос выходит за пределы нашего рассмотрения. Поэтому ограничимся ещё одной цитатой из Бориса Носика, косвенно на него отвечающей:

Мой парижский друг-дантист часто спрашивал меня:

— Слушай, а вот в этом твоём Таджикистане... там можно идти целый день по горам и никого не встретить?

— Можно идти неделю...

Он недоверчиво качал головой <...> — в это он не верил...¹

В советских условиях шестидесятых это был способ не бороться с системой, а обратить её возможности себе на пользу: набирать внушительные писательские авансы и месяцами путешествовать по одной пятой части суши за копейки.

¹ Носик Б.М. «Записки маленького человека эпохи больших свершений». М.: Текст, 2010.

В 2013 году, отвечая на вопросы посвящённого родительству портала «Letidor» о сыне, на тот момент пятилетнем, Антон признал:

Мой папа возил меня с собой в путешествия с очень раннего возраста. В этом смысле моя привычка брать с собой повсюду Лёву рифмуется с моим собственным детством.¹

Сам же Борис Носик на склоне лет подтрунивал над собой как над беспечным отцом, пренебрегающим своими обязанностями ради удовольствий литературно-интеллектуальных:

Мы стояли с Лёней на набережной над залитым солнцем коктейльским пляжем... Дочитав [стихотворение Г.Иванова], Лёня замолчал, и мы испытали ту же ностальгию, что пережил бедный Георгий Иванов на курортном берегу Средиземного моря.

А между тем близился час обеда, и мне надо было искать моего худенького Антошу, а Лёне — его лохматую, рыжеволосую Юлечку. В общем, нам надо было спешить за детьми, но мы с Лёней никуда не шли, стояли, читали стихи и рассуждали о загадочных «женщинах Серебряного века», которых мы сроду не видели...²

Но, по воспоминаниям упомянутого поэта Леонида Латынина, Борис не просто был беспечным отцом; он учил маленького Антона (и заодно его сверстницу — Юлию Латынину) «активной жизненной позиции», причём в каком-то суфийском, дервишском обличье:

Помню урок, который Борис Михайлович преподавал в Коктебеле на Кара-Даге моей дочери Юлии и своему сыну Антону.

Мы остановились в горах возле источника. Рядом, среди стеклянной, оставленной кем-то до нас посуды, валялось битое стекло. Антон и Юля, пребывая в состоянии всплеска избыточной энергии, собрались продолжить сюжет разрушения. Борис задержал поднятую руку Антона и сказал: «Вот из этой точки есть два продолжения, одно — увеличить количество возможностей пораниться

¹ https://web.archive.org/web/20130609080946/http://letidor.ru/article/anton_nosik_38865.

Здесь и далее ссылки на всеобъемлющую «Машину времени» (web.archive.org) означают, что на самом сайте цитируемый текст более недоступен.

² Носик Б.М. «Тот век серебряный, те женщины стальные...». М.: Текст, 2013.

самим и идущим за вами, и второе — убрать разбитое стекло, с той же мерой энергии. У вас есть выбор». Через полчаса мы с Борей зарыли груды стекла, собранную новообращёнными в «благоденствие», надеюсь, не только на этот час.¹

* * *

Что же до мамы Антона, Виктории Мочаловой, — то Википедия и взращённое Викторией Валентиновной на специальном сайте фамильное древо² избавляют от неловкой необходимости подробно писать в третьем лице о живом и активном человеке.

На момент рождения Антона ей исполнился лишь 21 год, так что вся её успешная филологическая карьера развивалась на фоне маленького ребёнка, а детство Антона, соответственно, проходило (при пропадающем в странствиях отце) на фоне лекций, зачётов, кандминимумов и общения с выдающимися учёными и молодыми художниками.

ФБОН.³ Наша академическая [библиотека]. <...> Это был оазис для «бывших». <...> Мы делали реферативный журнал, то есть всю поступающую иностранную литературу на разных языках мы должны были описывать и аннотировать. <...> Эрнестина Борисовна, дама из «бывших». Если ей в шестьдесят восьмом году было девяносто шесть лет... Я не могу даже посчитать, когда она родилась.⁴ Она говорила так: «Господа... Я хотела пойти пообедать. Зашла в кафетерий, но там был гегемон в грязных робах...»

И ещё, уже про Институт славяноведения и балканистики, в котором, поступив через год после ФБОН в аспирантуру, работает всю жизнь:

У нас, конечно, была и всякая тайного рода научная жизнь. Это были квартирные семинары — у математиков свои, у физиков свои, у литературоведов свои. Наш литературоведческий семинар вёл Миша

¹ *Латынин Л.А.* Борис Носик. Сорок лет одиночества // *Лехаим*. 05.03.2015. <http://old.lechaim.ru/3986>.

² <https://www.myheritage.com/site-family-tree-20466151/kersteinmargolin>.

³ *Фундаментальная библиотека общественных наук*. С 1969 — ИНИОН РАН.

⁴ Облегчим читателям задачу: в 1872 году. То есть в один год с, например, Сергеем Дягилевым и императрицей Александрой Фёдоровной.

Шейнкер и, совершенно твёрдо сказал, что мы не будем рассматривать произведения, которые опубликованы. Только самиздат — были же журналы, существовала подпольная литература, огромный пласт. Я говорю Шейнкеру: «Миша, ну, например, Окуджава — он же издаётся». — «Значит, мы его не рассматриваем. Принимает “причастие буйвола”¹. Всё! Мы рассматриваем только Лену Шварц».²

Носик страшно гордился своей мамой и её учёным кругом. Старейший культурный обозреватель Рунета, интернет-бизнесмен и писатель Сергей Кузнецов так рассказывал мне о своём знакомстве с Носиком в 1996 году:

...он сразу сказал: «Ну, ты, конечно, знаешь мою маму?». Вопрос вообще необычный для человека моего и Антона возраста (ровно по 30 лет), но объяснимый в контексте. Я рассказывал, чем я занимался в области всякой семиотики. Я работал с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, с большим количеством людей из Института славяноведения и балканистики, естественно, это был тот же круг, и он: «Как! Ты не знаешь мою маму? Не может быть!». Это было трогательно, потому что мы привыкли, что в 30 лет мальчик не должен понтоваться своей мамой, гордиться своей мамой и это демонстрировать. Было страшно приятно, что Антон выше этих условностей. «Её знают все!».³

Антон восхищался мамой и упоминал её при всяком удобном случае. Так, в 2008 году рассуждение об остро актуальной тогда «нерукоподатности» он уснащает ссылками на Ветхий и Новый завет, на УК РФ, но начинает его так:

Своим нравственным воспитанием я, по счастью, обязан матери, которая в моральных принципах строга, как политкаторжанин, и может старому другу отказать от дома, ежели он совершил неблагоприятный, с её точки зрения, поступок.⁴

¹ Эффектный образ «причастия буйвола» восходит к роману Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого», опубликованному по-русски в 1961 году. Изначально обозначал принятие царившего в фашистской Германии культа силы и т.п.

² <http://oralhistory.ru/talks/orh-2129>.

³ Все свидетельства, у которых не указан источник, взяты автором в интервью в 2017–2019 гг. при подготовке этой книги.

⁴ <https://anton-nossik.livejournal.com/13218.html>.

В настоящее время Виктория Мочалова руководит центром иудаики «Сэфер» («Книга»)¹, который сама же и создала в 1994 году. В интервью сайту еврейской культуры «Букник» в 2012 году она рассказывала:

[Я] хотя родилась и выросла в Москве, на самом деле произрасталала в белорусском местечке, ибо вся моя обширная мишпоха, переселившись сюда всем составом, придерживалась своих традиционных взглядов, нравов и обычаев. Москва была очень маленькая, она помещалась в пределах Садового кольца, можно было или ходить пешком в гости, или, по крайней мере, ездить на троллейбусе Б и 10. <...> Поскольку они переехали не по одному, а все вместе, то не особенно ассимилировались, а общались в основном друг с другом. <...> И помню, что когда мне было лет 16, я вдруг осознала, что все люди, с которыми я общаюсь, — евреи. И все мои подруги. Ничего умышленного тут не было. Это было само собой. Ты выходишь замуж, и муж, конечно, еврей. Более того, не просто еврей, а человек из твоей же мишпохи. Я помню, мы с Рашидом Мурадовичем Каплановым однажды искали чей-то телефон. Я открываю свою записную книжку и читаю: Финберг, Финкельштейн... Он говорит: «Слушайте, а у вас вообще другие люди среди знакомых есть?»²

Похожий на азиата москвич, проводящий по полгода в Таджикистане, и уроженка «белорусского штетла внутри Садового кольца», вошедшая в избранный академический круг своего времени, — такие родители не могли не наложить отпечаток на ребёнка; к тому же на ребёнка, проявлявшего с самого раннего детства задатки гениальности.

Подобно многим филологическим молодым мамам, Виктория, как только сын начал говорить, стала записывать его изречения.

¹ На сайте sefer.ru о нём говорится так: «Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах “Сэфер” создан в 1994 году с целью содействия научным исследованиям в области иудаики и преподаванию еврейских дисциплин в ВУЗах, оказания всесторонней поддержки студентам, аспирантам, академическим работникам в изучении различных аспектов иудаики. Центр объединяет всех, кто связан с исследованиями еврейской цивилизации».

² <http://booknik.ru/today/faces/mochalova>.